

Айгүл Забирова

Главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор социологических наук, профессор
e-mail: zabirova2010@gmail.com
(Астана, Казахстан)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. Цифровизация социологических исследований, значительно расширив возможности наблюдения за социальным поведением, поставила новый методологический вопрос: какие именно уровни социальной реальности измеряют цифровые и традиционные методы? Этот вопрос понимается как центральный для современной методологии социологических исследований. На материале казахстанского случая, аналитически значимого для обществ с устойчивой нормативной амбивалентностью, в статье показано, что цифровые следы и традиционные опросы измеряют разные социальные объекты. Цифровые следы фиксируют публичную артикуляцию социальных норм, идентичностей и доверия, тогда как опрос выявляет внутреннюю нормативную навигацию индивида между конкурирующими системами ожиданий.

Эмпирическая база исследования включает шесть национальных репрезентативных опросов 2024–2025 годов с совокупной выборкой 48 000 респондентов и более чем двадцатилетний корпус социологических исследований автора. Анализ сосредоточен на таких трёх измерениях нормативной амбивалентности, как религиозность, гендерные установки и структура информационного доверия. В статье представлен индекс нормативной связности как аналитический инструмент, позволяющий измерять степень согласованности между институциональным, межличностным и повседневно-поведенческим уровнями морального порядка в длительной динамике.

На основе проведённого анализа формулируются три методологических условия перехода к цифровым методам: предварительная диагностика нормативной структуры общества, сохранение традиционного мониторинга как аналитической инфраструктуры и разграничение объектов измерения при интеграции цифровых и традиционных методов. Статья показывает, что цифровизация социологии требует не замещения традиционных опросов, а их методологической интеграции на основе различения уровней социальной реальности.

Ключевые слова: нормативная амбивалентность, репрезентативный опрос, цифровые следы, перформанс, навигация между нормами, индекс нормативной связности.

Айгүл Забирова

ЦИФРЛЫҚ ӘЛЕУМЕТТАНУҒА КӨШУДІҢ ӘДІСНАМАЛЫҚ ЖӘНЕ АНАЛИТИКАЛЫҚ ШАРТТАРЫ

Андатпа. Әлеуметтанулық зерттеулерді цифрландыру әлеуметтік мінез-құлықты бақылау мүмкіндіктерін едәуір кеңейте отырып, жаңа әдіснамалық мәселені алға тартты: цифрлық және дәстүрлі әдістер әлеуметтік шындықтың

нақты қандай деңгейлерін өлшейді? Бұл мәселе қазіргі әлеуметтанулық зерттеулер әдіснамасының негізгі өзегі ретінде қарастырылады. Нормативтік амбиваленттілігі тұрақты қоғамдар үшін аналитикалық тұрғыдан маңызды қазақстандық жағдай материалдары негізінде мақалада цифрлық іздер мен дәстүрлі сауалнамалардың әртүрлі әлеуметтік нысандарды өлшейтіні көрсетілген. Цифрлық іздер әлеуметтік нормалардың, бірегейліктің және сенімнің жария артикуляциясын тіркесе, сауалнама индивидтің бәсекелес күтілімдер жүйелері арасындағы ішкі нормативтік бағдарлануын айқындайды.

Зерттеудің эмпирикалық базасына 2024–2025 жылдары жүргізілген, жалпы іріктемесі 48 000 респондентті қамтитын алты ұлттық репрезентативті сауалнама және автордың жиырма жылдан астам уақыт бойы жинақталған әлеуметтанулық зерттеулер кешені кіреді. Талдау нормативтік амбиваленттіліктің үш өлшеміне – діндарлыққа, гендерлік ұстанымдарға және ақпараттық сенім құрылымына шоғырланған. Мақалада институционалдық, тұлғааралық және күнделікті мінез-құлық деңгейлеріндегі моральдық тәртіптің өзара үйлесімділік дәрежесін ұзақ мерзімді динамикада өлшеуге мүмкіндік беретін аналитикалық құрал ретінде нормативтік байланыстылық индексі ұсынылған.

Жүргізілген талдау негізінде цифрлық әдістерге көшудің үш әдіснамалық шарты тұжырымдалады: қоғамның нормативтік құрылымын алдын ала диагностикалау, аналитикалық инфрақұрылым ретінде дәстүрлі мониторингті сақтау және цифрлық әрі дәстүрлі әдістерді интеграциялау барысында өлшеу нысандарын ажырату. Мақалада әлеуметтануды цифрландыру дәстүрлі сауалнамаларды алмастыруды емес, әлеуметтік шындық деңгейлерін ажырату негізінде олардың әдіснамалық интеграциясын талап ететіні көрсетілген.

***Түйін сөздер:** нормативтік амбиваленттілік, репрезентативті сауалнама, цифрлық іздер, перформанс, нормалар арасындағы навигация, нормативтік байланыстылық индексі, Қазақстан, әлеуметтанулық зерттеулер әдіснамасы, гибридік әдістер.*

Aigul Zabirowa

METHODOLOGICAL AND ANALYTICAL CONDITIONS FOR THE TRANSITION TO DIGITAL SOCIOLOGY

Abstract. The debate on sociology's transition to digital data collection methods has been framed predominantly as a question of how to make this transition. This article poses the question that has not been asked in this debate: what must a researcher know about their society before choosing a method. Drawing on the Kazakhstani case as an analytically significant example of a society with sustained normative ambivalence, the article demonstrates that in such society's digital traces and traditional representative surveys measure fundamentally different social entities. Digital traces capture public performance. Traditional surveys measure individual navigation between competing norms and it is precisely this navigation that constitutes the sociologically significant reality in an ambivalent society. Drawing on six national representative surveys conducted in 2024–2025 with a combined sample of 48,000 respondents and the author's longitudinal research corpus spanning more than two decades, the article examines three dimensions of normative ambivalence: religiosity, gender attitudes, and the structure of informational trust. An original analytical instrument, the Index of Normative Coherence, is presented, measuring the distance between institutional, interpersonal, and everyday behavioral levels of moral order across a thirty-year time

series. The article formulates three methodological conditions for a conscious transition to digital methods: diagnosing the normative structure of society prior to method selection, preserving traditional survey monitoring as analytical infrastructure, and distinguishing units of measurement when integrating methods. Understanding these conditions is not an argument against digital methods, it is a prerequisite for their sufficient application.

Keywords: *normative ambivalence, representative survey, digital traces, performance, navigation between norms, Index of Normative Coherence, Kazakhstan, survey methodology, hybrid methods.*

Введение

Цифровая трансформация эмпирических исследований радикально расширила аналитические возможности социологии. Онлайн-опросы, цифровые следы, сенсорные данные, транзакционные базы и инструменты искусственного интеллекта позволяют фиксировать социальную реальность с уровнем скорости, детализации и временной чувствительности, недоступных классическому опросу. В этом смысле цифровизация не просто меняет инструментарий социолога, но и перестраивает морфологию эмпирического наблюдения.

На этом фоне ключевой методологический вопрос уже состоит не в том, следует ли переходить к цифровым методам. Этот переход фактически состоялся. Центральным становится другой вопрос: как интегрировать цифровые методы в исследовательскую архитектуру без утраты аналитической точности и без смешения принципиально различных объектов измерения? Международные профессиональные ассоциации, включая Всемирную ассоциацию изучения общественного мнения (WAPOR), Европейскую ассоциацию исследований общественного мнения (ESRA) и Американскую ассоциацию изучения общественного мнения (AAPOR), всё чаще обсуждают не столько такие технические параметры цифровизации, как репрезентативность онлайн-выборок, интеграцию гетерогенных данных, использование искусственного интеллекта и новых источников информации, а сколько более фундаментальную проблему методологических границ этих инструментов. Показательно, что в рамках последних международных дискуссий всё отчётливее звучит тезис о том, что традиционные методы не утрачивают своей аналитической значимости даже в условиях глубокой цифровой трансформации (Olson, 2025).

Вместе с тем цифровой поворот не снял более фундаментального методологического вопроса: почему традиционные опросы сохраняют свою аналитическую незаменимость и в каких типах обществ это проявляется особенно отчетливо? В этом смысле показательно, что конференция Американской ассоциации изучения общественного мнения в 2025 году объединилась с Всемирной Ассоциацией изучения общественного мнения для обсуждения измерения общественного мнения в незападных, мультикультурных и региональных контекстах. Тем самым сама профессиональная среда признаёт необходимость переосмысления сложившегося методологического инструментария применительно к обществам с иной структурой норм, доверия и социальной интеграции (AAPOR & WAPOR, 2025).

Не случайно ведущие исследователи всё чаще описывают традиционные массовые опросы не просто как метод, а как особую эпистемологическую инфраструктуру, требующую институциональной защиты. Угрозы качеству

данных сегодня связаны не только с методологическими ограничениями, но и с политическим давлением, общественным недоверием и растущей институциональной уязвимостью самих опросов общественного мнения. Именно в этой ситуации формируется новая исследовательская логика, не замещение традиционного опроса цифровыми технологиями, а построение гибридной архитектуры знания. В этой логике концептуальная рамка Mixed Methods 2.0 предполагает интеграцию специально созданных исследовательских данных, цифровых следов, административных источников и алгоритмически опосредованных форм взаимодействия с респондентом как исследовательскую архитектуру следующего поколения. Mixed Methods 2.0 означает расширенный дизайн смешанных методов, объединяющий традиционные, цифровые, административные и платформенные данные в единую аналитическую систему. Цифровые методы действительно расширяют аналитические возможности социологии, позволяя фиксировать социальные процессы с высокой временной чувствительностью и беспрецедентной поведенческой детализацией. Особенно значимы они там, где необходимо выявлять формирование новых норм, публичных дискурсов и коллективных настроений ещё до их институционального закрепления.

Между тем их аналитическая сила зависит от точного понимания того, какой именно социальный объект они измеряют. Предшествующий вопрос о том, что именно исследователь должен знать о своём обществе до выбора метода, всё ещё не получил систематического ответа. Именно это запаздывание образует методологический дефицит, который настоящая статья стремится восполнить. Методологический поворот к цифровым данным во многом основан на представлении о том, что цифровые следы позволяют фиксировать реальное поведение, тогда как традиционные опросы отражают преимущественно декларативные ответы, нередко искажённые социальной желательностью, самоцензурой и страхом (Couper, 2000; Boyd & Crawford, 2012). Декларация и поведение далеко не всегда совпадают, алгоритм фиксирует действия, тогда как традиционный опрос регистрирует высказывания о них. Однако данная логика опирается на имплицитное допущение о том, что поведение обладает более непосредственным доступом к социальной реальности, а декларативные ответы представляют собой лишь её несовершенное отражение. Именно это допущение настоящая статья ставит под сомнение применительно к определённому классу обществ, к которому принадлежит Казахстан. В этом смысле декларативные ответы не могут рассматриваться лишь как вторичный или искажённый слой социальной реальности. Как показал Никлас Луман, общество воспроизводит себя не только через институты и практики, но и через формы собственного самоописания, в которых выражаются допустимые нормы, ожидания и моральные границы (Luhman, 2013). Чарлз Тейлор связывал устойчивость социального порядка с коллективными моральными воображаемыми, задающими языки легитимного самоописания общества (Taylor, 2004). В условиях нормативной множественности декларация оказывается не слабой альтернативой поведению, а самостоятельным социальным фактом, фиксирующим те нормативные порядки, через которые общество понимает и организует само себя.

В обществах с устойчивой нормативной амбивалентностью, где несколько нормативных систем сосуществуют как одновременно активные ресурсы, не вытесняя друг друга, цифровые следы и традиционный опрос измеряют принципиально разные социальные объекты. Цифровые следы фиксируют публич-

но опосредованное поведение, публичный перформанс, то, что люди готовы предъявить в наблюдаемой цифровой среде под давлением алгоритмов платформ и социального окружения. Традиционный опрос измеряет навигацию между конкурирующими нормами, то, как человек одновременно удерживает противоречивые системы ожиданий, не разрешая противоречие между ними. В амбивалентном обществе именно эта навигация является социологически значимой реальностью, собственно её опрос и способен измерять с той степенью глубины и сопоставимости, которую цифровые методы пока редко обеспечивают.

Понимание этого различия является методологическим условием их осознанного и эффективного применения. Исследователь, переходящий к онлайн-опросам, гибридным моделям или анализу цифровых следов без понимания нормативной структуры своего общества, рискует измерять перформанс, принимая его за реальность. Собственно, это различие и находится в центре настоящей статьи.

Казахстан представляет собой аналитически значимый случай множественных моральных порядков, в котором советский, традиционный и современный нормативные режимы сосуществуют и одновременно структурируют социальное действие, производя устойчивую амбивалентность как структурное состояние социальной организации. Именно в таких условиях методологический переход к цифровым методам приобретает особую аналитическую сложность, поскольку западная методологическая литература преимущественно исходит из обществ с более высокой нормативной консистентностью и институциональной предсказуемостью. В этом смысле казахстанский случай важен не как локальная специфика, а как аналитически усиленная форма более широкого класса обществ, где сосуществование модернизационных и традиционных нормативных порядков делает проблему методологического различения особенно отчетливой.

Анализ опирается на шесть национальных опросов 2024–2025 годов (совокупный объём выборки составил 48 000 респондентов) и собственный исследовательский массив, накопленный за более чем двадцать лет, что позволило реконструировать нормативную амбивалентность в трёх ключевых сферах. В качестве дополнительной аналитической иллюстрации используется индекс нормативной связности, позволяющий измерить дистанцию между институциональным, межличностным и повседневно-поведенческим уровнями морального порядка в тридцатилетней динамике. Эмпирический анализ показывает, что в условиях нормативной множественности поведенческие и декларативные данные фиксируют различные, но взаимосвязанные уровни социальной реальности. Тем самым цифровые и традиционные методы следует рассматривать не как конкурирующие, а как эпистемологически взаимодополняющие инструменты. В этом смысле цифровизация социологии ставит не технологический, а аналитико-методологический вопрос о соответствии метода природе исследуемой социальной реальности.

Теоретическое измерение амбивалентности

Понятие амбивалентности в социологии традиционно использовалось для описания противоречивых чувств и установок индивида по отношению к одному объекту (Merton & Barber, 1963). В более широком социологическом смысле амбивалентность описывает состояние, при котором конкурирующие нормы удерживаются одним субъектом одновременно и не разре-

шаются (Smelser, 1998). Классические теории модернизации предполагали, что подобное состояние является переходным в том смысле, что общество движется от традиционных норм к современным, а амбивалентность выражает лишь эффект запаздывания. Ульрих Бек и Энтони Гидденс описывали рефлексивную современность как стадию, на которой общество осознаёт последствия собственной модернизации и вырабатывает новый нормативный консенсус (Beck, 1992; Giddens, 1991). Мануэль Кастельс показал, как сетевые структуры трансформируют саму логику производства социальных смыслов, делая идентичность проектом, реализуемым в условиях конкурирующих информационных потоков (Castells, 1996).

Казахстанская эмпирика не опровергает эти теории, а проверяет пределы их объяснительной применимости. И результат проверки весьма неожиданный. Амбивалентность здесь не исчезает по мере институциональной модернизации. Она воспроизводится. Почему? Потому что институционально поддерживается с обеих сторон. Экономическая модернизация создаёт условия для новых ролей и возможностей, а культурные институты и публичный дискурс сохраняют значимость традиционных форм социальной организации. В результате конкурирующие нормы не вытесняют друг друга, а воспроизводятся параллельно, превращая амбивалентность из переходного эффекта в устойчивую структурную характеристику (Забирова, 2026). Цифровая среда не устраняет эту амбивалентность, а делает её более видимой. Именно в цифровых коммуникациях конкурирующие нормативные порядки получают публичную артикуляцию, вступают в конфликт, усиливаются алгоритмической логикой платформ и становятся наблюдаемыми как динамический процесс.

Социологически важно разграничить амбивалентность и культурный плюрализм. Плюрализм описывает сосуществование различных нормативных систем на уровне групп, одни живут по одним правилам, другие по другим. Амбивалентность устроена иначе, конкурирующие нормы удерживаются одним субъектом одновременно, поэтому они не разрешаются. Механизм здесь не в том, что общество не определилось, а в том, что социальные компромиссы, через которые люди ежедневно навигируют между традиционным ожиданием и новой возможностью, подтверждают оба порядка как легитимные. Каждый компромисс не снимает противоречие, а воспроизводит его.

В этом контексте цифровая социология радикально расширяет аналитические возможности исследования амбивалентности. Если классическая социология преимущественно фиксировала уже выраженные нормативные позиции, то цифровые следы позволяют наблюдать процесс формирования, циркуляции и публичного закрепления норм в реальном времени. Цифровое пространство становится не просто каналом выражения социальных позиций, а самостоятельной средой производства, усиления и перераспределения нормативных ожиданий.

Всё это делает казахстанский случай аналитически значимым для современной методологической дискуссии. Если амбивалентность является структурной характеристикой, а не переходным состоянием, её исследование требует методологического различения уровней социальной реальности. Опрос общественного мнения позволяет фиксировать нормативные позиции, то, как человек осмысляет своё место между конкурирующими системами ожиданий. Цифровые следы, в свою очередь, позволяют наблюдать публичную динамику этих норм, их артикуляцию, распространение, конфликт и ситуативную актуализацию в цифровой среде. Таким образом, речь идёт не о кон-

курении методов, а об их эпистемологической дополнителности. Цифровая социология расширяет аналитический горизонт исследования социальной динамики, тогда как традиционные методы сбора информации сохраняют глубину нормативного измерения и возможность фиксировать внутреннюю структуру социальной амбивалентности.

Почему цифровые следы фиксируют перформанс, а опрос навигацию

В обществах, переживающих несколько несинхронных трансформаций одновременно, человек постоянно находится в пространстве конкурирующих норм, ни одна из которых не является доминирующей. Советский, традиционный и современный нормативные слои сосуществуют не как исторические этапы, сменяющие друг друга, а как одновременно активные ресурсы, между которыми индивид непрерывно навигирует (Забирова, 2026).

В этом контексте то, что социолог склонен квалифицировать как декларативный ответ, отличающийся от реального поведения, представляет собой нечто принципиально иное. Это не искажение данных, это сами данные. Человек называет себя верующим, но редко молится. Человек убеждён в равенстве образовательных возможностей мужчин и женщин, но считает, что мужчина должен иметь приоритет на рынке труда. Человек доверяет телевидению и предпочитает получать новости из Telegram. Это всё один и тот же респондент, который не противоречит сам себе и не скрывает своих истинных взглядов. Он описывает свою реальную позицию в пространстве конкурирующих норм. Расстояние между декларацией и поведением в таком обществе является не методологической проблемой, а социологически значимым фактом, требующим измерения, а не устранения.

Именно здесь цифровая социология приобретает особую аналитическую ценность. Если опрос позволяет фиксировать нормативную позицию как внутреннюю структуру ориентации, то цифровые среды позволяют наблюдать, как эти нормы становятся публичными, как они циркулируют, получают поддержку, вступают в конфликт и трансформируются в режиме реального времени. В этом смысле цифровые данные позволяют видеть не только результаты нормативной навигации, но и сам процесс её публичного разворачивания.

Здесь традиционный опрос обнаруживает своё аналитическое преимущество. Он задаёт вопрос напрямую: как вы это воспринимаете, что думаете, как оцениваете? И получает ответ, который фиксирует не конкретное поведение в конкретной ситуации, а нормативную позицию, как человек соотносит себя с конкурирующими системами ожиданий. Именно эта нормативная позиция, а не отдельный поведенческий акт, является единицей анализа в социологии амбивалентности.

Тёмур Куран, американский экономист и политолог, известный своим концептом фальсификации предпочтений, описывает механизм, при котором индивиды публично выражают позиции, отличающиеся от их частных убеждений, в результате давления социального окружения (Kuran, 1995). Куран объясняет, как фальсификация предпочтений формирует коллективные решения, направляет структурные изменения, искажая в итоге человеческие знания и скрывая политические возможности. В социологической литературе этот феномен традиционно рассматривается как проблема классического метода, когда респондент говорит не то, что думает. Не стоит полагать, что в цифровую эпоху фальсификация предпочтений не исчезает. Нет, она, мигрируя в цифровую среду, принимает новые формы. Лайк, репост, подписка на канал, участие

в публичной дискуссии в социальных сетях, всё это не просто поведение. Это публичное поведение, совершаемое в наблюдаемой среде, где социальное давление, алгоритмы платформ и страх последствий формируют специфический тип самопрезентации. Добавим, что в обществах с высокой политической чувствительностью цифровые следы с особой отчётливостью фиксируют то, что человек готов предьявить публично, а не то, что он думает приватно.

Более того, сама архитектура цифровых платформ структурирует поведение пользователей таким образом, что оно отражает логику платформы не меньше, чем логику пользователя. Алгоритмы ранжирования определяют, какой контент видим, какие позиции получают усиление, какие темы становятся обсуждаемыми. В этом смысле естественное цифровое поведение является не менее сконструированным, чем ответ на вопрос анкеты, только механизм конструирования другой, менее прозрачный и значительно труднее поддающийся методологическому контролю (Pink, 2015; Boyd & Crawford, 2012). Вместе с тем именно эта алгоритмическая структурированность делает цифровые среды уникальным объектом для социологического анализа, поскольку позволяет исследовать не только поведение индивидов, но и механизмы усиления, подавления и перераспределения нормативных сигналов в публичном пространстве.

Эмпирическое подтверждение этого аргумента применительно к постсоветскому контексту представлено в исследовании онлайн-опросов на материале России. Утверждается, что в условиях политического давления цифровые опросы усиливают самопрезентацию, страх и стратегическое молчание респондентов, в результате их реальные позиции остаются скрытыми (Korsunova & Sokolov, 2025).

Еще одни эмпирические данные подтверждают этот аргумент. Систематический анализ 49 публикаций о качестве данных вероятностных онлайн-панелей показал, что относительное смещение оценок составляет в медиане 14%, однако для политически чувствительных тем этот показатель оказывается на 61% выше среднего (Ivanovska & Vehovar, 2025). Иными словами, именно там, где публичное давление наиболее высоко, цифровые методы дают наибольшие систематические искажения. Это не случайная погрешность, а структурный эффект перформанса в наблюдаемой среде.

Итак, мы видим, что переход к цифровым методам не является технически нейтральным. Веб-стратегия не улучшает качество данных автоматически и может перераспределять участие между социальными группами (Heimel & Medway, 2024). Исключение небрежных респондентов из вероятностных и невероятностных онлайн-панелей существенно снижает смещение оценок, однако требует дополнительных процедур верификации (Slamowicz et al., 2025). Наконец, частота запросов сама по себе влияет на готовность к участию, перенасыщение опросами ведёт к усталости респондентов и снижению легитимности исследовательского контакта (Eggleston, 2024).

Поэтому мы предлагаем понимать различие между цифровыми следами и опросными данными не как различие между более и менее достоверными данными, а как различие между уровнями социальной реальности. Цифровая социология расширяет возможности анализа публичного социального действия, тогда как опросная социология сохраняет аналитическую глубину измерения нормативного порядка.

Различие между тем, что фиксирует традиционный опрос, и тем, что фиксируют цифровые следы, принципиально в трёх измерениях. Первое составляет приватность суждения. Стандартизированный опрос, особенно проводимый

методом личного интервью с квалифицированным интервьюером, создаёт условия, в которых респондент отвечает на прямой вопрос о своей позиции не в публичной наблюдаемой среде, а в ситуации, предполагающей конфиденциальность. Разумеется, эффекты социальной желательности существуют и здесь. Но они качественно отличаются от давления публичной цифровой среды, в опросе человек отвечает интервьюеру, в цифровой среде человек отвечает аудитории.

Второе составляет нормативный срез. Опрос фиксирует не то, что человек сделал в конкретной ситуации, а то, как он соотносит себя с нормой. Это принципиально иной уровень анализа. Поведенческие следы дают богатую информацию о том, что люди делают; данные массовых опросов дают информацию о том, как люди интерпретируют то, что они делают и что делают другие. В обществе с нормативной амбивалентностью именно эта интерпретация является ключевым социологическим объектом.

Третий срез составляет временная глубина. Массовые опросы, повторяющиеся на сопоставимых выборках на протяжении десятилетий, позволяют фиксировать не только состояние, но и траекторию нормативных изменений. Цифровые методы пока редко обеспечивают сопоставимую временную глубину и стандартизацию, необходимую для анализа длительных нормативных траекторий. Так, социальные сети существуют полтора десятилетия, их архитектура и аудитория за это время принципиально менялись. Временные ряды репрезентативных опросов являются уникальным аналитическим ресурсом, не имеющим цифрового аналога.

Всё сказанное не означает, что традиционные опросы превосходят цифровые методы или что переход к гибридным моделям сбора данных не нужен. Методологическая трансформация социологии в цифровую эпоху неизбежна и необходима. Вопрос в другом, какой объект анализа стоит за каждым методом. Примечательно, что даже внутри дискуссии о цифровых методах нарастает осознание их собственных ограничений. Сенсорные данные, мобильные приложения и донация цифровых следов порождают специфические ошибки измерения, которые требуют не менее тщательного методологического контроля, чем традиционные опросы (Klingwort, Toeroel & Lugtig, 2025). В этом отношении показателен опыт Института социологии Чешской академии наук, который на протяжении трёх десятилетий проводил регулярные face-to-face опросы и лишь после пандемии перешёл к вероятностной онлайн-панели с сохранением методологической преемственности и сопоставимости данных (Tabery et al., 2025). Этот пример демонстрирует именно ту логику осознанного перехода, которую настоящая статья формулирует как методологическое условие.

Систематический обзор инноваций в смешанных режимах сбора данных показал, что сам выбор режима влияет на структуру ошибок измерения, смещения, обусловленные невозвратом, и сложность статистического вывода, так что цифровизация порождает не только рост эффективности, но и новые методологические компромиссы (Coffey et al., 2024).

На переднем крае методологической дискуссии находится AI-интервьюирование. Большие языковые модели уже тестируются как адаптивные интервьюеры, способные к персонализированному зондированию и диалоговому взаимодействию с респондентом, и первые результаты показывают улучшение качества данных и опыта участия по сравнению с традиционными анкетами (Barari et al., 2025; Wuttke et al., 2025). Это открывает реальные возможности для социологии амбивалентных обществ: адаптивный интервьюер

потенциально способен улавливать нюансы нормативной навигации точнее, чем фиксированная батарея вопросов. Вместе с тем ключевая методологическая проблема остаётся открытой: измеряет ли AI-интервьюер подлинную нормативную позицию респондента, или лишь более изощрённый перформанс в цифровой среде? Ответ на этот вопрос определит место AI-интервьюирования в арсенале социологии амбивалентных обществ.

В перспективе AI-интервьюирование может стать промежуточным звеном между стандартизированным опросом и цифровым наблюдением: сохраняя прямой исследовательский вопрос, оно одновременно вводит гибкость, адаптивность и контекстуальную чувствительность, ранее недоступные классическим анкетным инструментам.

Методологическое будущее социологии определяется не выбором между цифровыми и традиционными методами. Цифровая социология расширяет исследовательские возможности, позволяя наблюдать социальную динамику в реальном времени и с высокой поведенческой чувствительностью. Традиционные методы сохраняют незаменимую глубину нормативного измерения, без которой невозможно понять внутреннюю структуру социальной амбивалентности. Именно их интеграция, а не замещение, определяет следующую стадию развития социологического знания.

Три измерения нормативной амбивалентности

Казахстан представляет собой аналитически значимый случай по нескольким причинам одновременно. Это общество, в котором за тридцать пять лет независимости одновременно разворачивались постсоциалистическая институциональная перестройка, экономическая модернизация, демографический сдвиг, религиозное возрождение и ускоренная цифровая трансформация. И всё это в одном поколении, в одной стране. Ни одна из классических теорий модернизации не предсказывает именно такой конфигурации. Казахстанский материал не опровергает эти теории, он их проверяет и предлагает им новый угол зрения (Забирова, 2026).

Эмпирическая база включает шесть национальных репрезентативных опросов 2024–2025 годов с совокупной выборкой 48 000 респондентов, а также более чем двадцатилетний корпус социологических исследований автора. Все массовые опросы проводились методом стандартизированного личного интервью, охватывали все 17 областей и три города республиканского значения. Репрезентативность обеспечивалась по региону, типу поселения, полу и возрасту на основе официальных данных о структуре населения.

Религиозность

Восемьдесят шесть процентов казахстанцев называют себя верующими¹. Уже сама эта цифра показывает, что религиозная идентичность является широко разделяемой нормой. Но социологи задают следующий вопрос: как именно люди практикуют свою веру? И здесь картина оказывается сложнее, религиозные праздники соблюдает большинство опрошенных, регулярная молитва характерна для значительно меньшей части, а постоянно посещают мечеть еще меньше. Эти данные не противоречат друг другу. Они отражают разные уровни религиозной жизни, от символической принадлежности и культурного

¹ Эмпирические данные взяты из аналитического отчета "Оценка государственной религиозной политики в Казахстане", предпринятого исследовательской компанией "MLGroup" в 2024 году по заказу Комитета по делам религий Министерства культуры и информации РК. Всего в опросе принимали участие 6 000 респондентов, по 1 500 человек в каждом квартале в 2024 г. В опросе принимали участие респонденты старше 18 лет из 17 областей и 3 городов республиканского значения – Астаны, Алматы и Шымкента.

участия до повседневной практики и институциональной вовлечённости. Для социолога важно не столько измерить общий уровень религиозности, сколько увидеть расхождение между самоописанием, практикой и нормативной ориентацией. Именно это расхождение показывает, что религиозность не является единым показателем, она представляет собой внутренне дифференцированную нормативную структуру.

С точки зрения цифровой социологии тот же феномен выглядел бы иначе. Анализ цифровых следов позволил бы фиксировать публичную динамику религиозности. Это интенсивность религиозной коммуникации, плотность сетевых религиозных сообществ, эмоциональная мобилизация в периоды религиозных событий и скорость распространения религиозных нарративов. Такие данные особенно ценны, поскольку позволяют наблюдать религиозную активность в её естественной публичной среде и с высокой временной чувствительностью.

Однако цифровые данные фиксируют прежде всего публичную актуализацию религиозной идентичности. Они не позволяют ответить на другой, принципиально важный социологический вопрос: почему человек, который редко молится и одновременно поддерживает светский характер государства, всё равно определяет себя как верующего и не видит в этом противоречия? Именно здесь проходит методологическая граница между двумя типами данных: цифровые следы фиксируют публичную артикуляцию религиозности, тогда как опрос выявляет внутреннюю нормативную конфигурацию религиозной идентичности.

Ответ на этот вопрос связан с исторической структурой постсоветской идентичности. После распада СССР общество столкнулось с двойной задачей самоопределения, советская идентичность исчезла вместе с государством, которое её воспроизводило, тогда как этнокультурная идентичность для части населения оказалась частично лингвистически недоступной. В этих условиях ислам становится не только религиозным, но и идентификационным ресурсом, назвать себя мусульманином оказалось проще, чем восстановить полноту культурной компетентности этнической идентичности. Именно поэтому масштаб религиозной самоидентификации не совпадает с масштабом религиозной практики. Иначе говоря, принадлежность часто оказывается важнее практики.

Методологически это означает, что расстояние между декларацией и поведением в данном случае не является ошибкой измерения. Напротив, оно фиксирует специфическую форму нормативной навигации, в которой человек одновременно удерживает религиозную идентичность как культурный ресурс и светский порядок как повседневную норму. Оба регистра остаются для него подлинными и социально легитимными. В этом смысле религиозность становится удобным методологическим тестом различия между уровнями социальной реальности: цифровые методы позволяют наблюдать публичную динамику религиозного поведения и коллективной идентификации, тогда как репрезентативный опрос делает доступной внутреннюю нормативную логику этой идентичности. Их сочетание позволяет увидеть религиозность не как единый показатель, а как многослойную структуру социальной амбивалентности.

Гендер

Гендерные установки в Казахстане демонстрируют особенно наглядную форму нормативной амбивалентности. 71,4% респондентов не согласны с тем,

что высшее образование важнее для мальчиков, чем для девочек². 59,4% не считают, что работа матери негативно влияет на детей. 60,1% не видят проблемы в том, что жена зарабатывает больше мужа. Однако 51,5% одновременно считают, что в условиях дефицита рабочих мест мужчины должны иметь приоритет при трудоустройстве. Методологически значимым здесь является не уровень поддержки гендерного равенства как таковой, а внутренняя иерархия нормативных допущений, проявляющаяся внутри одной и той же выборки. Эти данные показывают, что модернизационные нормы принимаются не как единый пакет, а селективно, в зависимости от того, какие элементы социальной роли оказываются затронутыми.

Особенно показательно, что наибольшая устойчивость традиционной нормы сохраняется именно в той точке, где затрагивается базовая функция мужской социальной роли, функция экономического обеспечения семьи. В сфере образования, материнской занятости и перераспределения семейного дохода модернизационные нормы получили значительное распространение. Однако в ситуации прямой конкуренции на рынке труда традиционная модель мужчины как основного кормильца сохраняет моральную легитимность большинства. Это позволяет увидеть, что нормативная амбивалентность организована не хаотично, а иерархически: одни нормы модернизации интегрируются быстрее, чем другие.

С точки зрения цифровой социологии этот же феномен выглядел бы иначе. Анализ Instagram, TikTok и других цифровых платформ позволил бы зафиксировать интенсивную публичную артикуляцию гендерного равенства: карьерные нарративы, образовательные достижения женщин, дискурсы самореализации и экономической независимости. Эти данные особенно ценны, поскольку позволяют наблюдать динамику публичной нормализации гендерного равенства в режиме реального времени. Однако они фиксируют прежде всего публичный уровень нормативного выражения и не позволяют увидеть внутреннюю иерархию нормативных компромиссов, которые обнаруживаются в ситуации прямого опросного выбора.

Собственно, здесь и проходит методологическая граница между двумя типами данных. Цифровые следы позволяют наблюдать публичную динамику гендерных норм, тогда как опрос фиксирует их внутреннюю структурную организацию. Один и тот же респондент может публично поддерживать равенство в цифровой среде и одновременно воспроизводить традиционную норму в ситуации распределения экономических ресурсов. Это не является ни лицемерием, ни противоречием. Это выражение нормативной навигации, в рамках которой конкурирующие нормы сохраняют одновременную легитимность. Регрессионный анализ позволяет реконструировать механизм этого воспроизводства. Наибольшую поддержку традиционной модели демонстрируют мужчины в возрасте 30–45 лет, но не вследствие более низкого уровня образования, а вследствие концентрации максимальной социальной нагрузки. Это и ипотечные обязательства, ответственность за детей и необходимость поддержки старших поколений. В этом случае нормативный консерватизм выступает как стратегия удержания социальной идентичности в условиях экономической неопределённости. Среди мужчин с высшим образованием поддержка традиционных установок заметно ниже, что связано не столько с изменением цен-

²Опрос от 11.05–22.06.2024, проведенный по заказу КИСИ, 8 101 респондент. В опросе принимали участие респонденты старше 18 лет из 17 регионов страны и городов республиканского значения Астаны, Алматы и Шымкента.

ностей, сколько с большей экономической устойчивостью и меньшей зависимостью от конкурентного давления на рынке труда.

Методологически этот случай показывает, что гендерные установки не могут быть адекватно поняты только через публичные цифровые следы. Они требуют прямого измерения нормативных позиций и их сопоставления с социально-демографическим контекстом. В этом смысле гендер выступает как второй методологический тест различия между уровнями социальной реальности. Цифровая социология позволяет наблюдать публичную динамику гендерных норм, тогда как репрезентативный опрос раскрывает внутреннюю логику нормативных компромиссов, лежащих в основе социальной амбивалентности.

Медиапотребление

Структура медиапотребления в Казахстане демонстрирует ещё одну форму нормативной амбивалентности – амбивалентность доверия. 59,1% казахстанцев называют республиканские телеканалы основным источником новостей³. Одновременно 34,7% выражают доверие к социальным сетям и мессенджерам, а 30,3% к казахстанским интернет-СМИ. При этом среди респондентов с высшим образованием доверие к телевидению снижается до 37,2%, тогда как доверие к интернет-СМИ возрастает до 46,5%. Методологически значимым здесь является не само распределение медиаисточников, а сосуществование различных режимов информационной легитимности внутри одного общества. Эти данные показывают, что выбор источника информации определяется не только доступностью, но и структурой символического доверия. Для части респондентов телевидение сохраняет институциональную легитимность как источник официального и социально признанного знания. Для другой части цифровые медиа обладают альтернативной легитимностью, основанной на восприятии редакционной автономии, скорости обновления информации и большей коммуникативной открытости. В этом смысле медиапотребление оказывается не только практикой получения информации, но и практикой выбора режима доверия.

С точки зрения цифровой социологии этот же феномен выглядел бы иначе. Анализ цифровых следов позволил бы с высокой точностью фиксировать такие паттерны медиапотребления как подписки, репосты, просмотры, вовлечённость в обсуждения, скорость распространения новостных сюжетов и плотность информационных сетей. Эти данные особенно ценны, поскольку позволяют наблюдать динамику формирования информационных сообществ и процессы публичного усиления доверия в режиме реального времени. Однако они фиксируют прежде всего публичную медиаактивность и не позволяют непосредственно реконструировать внутреннюю структуру доверия, лежащую за этим поведением.

Здесь проходит методологическая граница между двумя типами данных. Цифровые следы позволяют наблюдать публичную динамику информационного поведения, тогда как опрос позволяет фиксировать нормативную структуру доверия, то, каким источникам человек считает возможным доверять и почему. Публичное цифровое поведение в медиасфере часто является формой символической принадлежности к определённому информационному сообществу. То, что человек публично одобряет, распространяет или

³Социологический опрос проведен по заказу КИСИ в период с 20 марта по 20 апреля 2025 г. Объем выборочной совокупности составил 8 001 респондент. В опросе принимали участие респонденты старше 18 лет из 17 областей и 3 городов республиканского значения – Астаны, Алматы и Шымкента.

комментирует, не всегда совпадает с тем, что он считает наиболее надёжным или легитимным источником информации.

Казахстанский случай особенно показателен именно потому, что высокое доверие к телевидению сосуществует с быстрым ростом цифровых платформ, не вытесняя друг друга, а формируя устойчивую амбивалентность информационного доверия. В обществах с ограниченным медиаплюрализмом доверие к телевидению часто объясняется дефицитом альтернатив. Казахстанский случай показывает иную конфигурацию: альтернативы существуют, активно развиваются, но институциональная легитимность телевидения сохраняется. Именно это делает данный случай аналитически значимым для методологической дискуссии.

Таким образом, религиозность, гендер и медиапотребление обнаруживают единый структурный паттерн. Во всех трёх случаях цифровая социология позволит наблюдать публичную динамику социальных норм, идентичностей и доверия, тогда как репрезентативный опрос раскрывает их внутреннюю нормативную организацию. Расстояние между декларацией, поведением и публичной артикуляцией в этих случаях выступает не как методологическая ошибка, а как самостоятельный социологический факт. Именно это различие объектов измерения и определяет необходимость методологической интеграции цифровых и опросных методов в исследовании амбивалентных обществ.

Индекс нормативной связности как методологический аргумент

Переход к цифровой социологии радикально расширил аналитические возможности социологического исследования. Цифровые следы, платформенные данные, сетевой анализ и алгоритмическая обработка больших массивов информации позволяют фиксировать социальные процессы с беспрецедентной скоростью, детализацией и временной чувствительностью. Однако расширение эмпирического доступа к социальной реальности не устраняет фундаментального методологического вопроса: какие именно уровни социальной реальности становятся измеримыми в цифровой среде, а какие сохраняют зависимость от классического опросного инструментария? В этой точке возникает проблема нормативного порядка. Значительная часть цифровой социологии ориентирована на измерение наблюдаемого поведения, публичной коммуникации и сетевой динамики. Это существенно усиливает аналитическую чувствительность исследования, но одновременно смещает фокус в сторону внешне наблюдаемых форм социальной активности. Между тем нормативный порядок общества существует не только на уровне поведения, но и на уровне внутренних нормативных ориентаций, моральных ожиданий и структурных согласований между различными уровнями социальной жизни.

Социологическая литература об амбивалентности концептуально богата, но инструментально ограничена. Существующие подходы позволяют измерять отдельные элементы нормативного порядка, однако не позволяют фиксировать степень их внутренней согласованности. Классические ценностные индексы, прежде всего модель Рональда Инглхарта (Inglehart, 1997), позволяют выявлять направление ценностных сдвигов, от традиционных к секулярно-рациональным и от ценностей выживания к ценностям самовыражения, однако не измеряют степень согласованности между различными уровнями морального порядка. Современные индексы социальной сплочённости фиксируют общий уровень интеграции, но не позволяют диагностировать внутренние нормативные рассогласования.

Предлагаемый нами индекс нормативной связности вводится именно в этом методологическом контексте. Его задача состоит не в измерении содержания доминирующих ценностей и не в фиксации общего уровня социальной интеграции, а в измерении степени структурной согласованности между тремя такими уровнями морального порядка как институциональный, межличностный и повседневно-поведенческий.

Институциональный уровень отражает нормативную среду, создаваемую государством. Это доверие к институтам, восприятие законности и предсказуемости правил. Межличностный уровень фиксирует генерализованное доверие и готовность распространять нормативные ожидания за пределы первичного круга. Повседневно-поведенческий уровень отражает практическое воспроизводство социальных норм в повседневной жизни.

В условиях высокой нормативной связности эти уровни изменяются согласованно. В условиях нормативной амбивалентности они начинают расходиться. Так, институциональные показатели могут улучшаться, тогда как межличностное доверие снижается, повседневные практики тем временем сохраняют прежние нормативные конфигурации. Именно масштаб, направление и динамику этого рассогласования фиксирует индекс.

В этом состоит его методологическое значение для цифровой социологии. Цифровые следы позволяют с высокой точностью фиксировать публичную актуализацию интенсивности коммуникации, плотности сетевых связей, эмоциональную мобилизацию и скорость распространения нарративов. Однако они не позволяют измерять внутреннюю нормативную дистанцию между институциональными ожиданиями, межличностным доверием и повседневной нормативной практикой. Эта дистанция остаётся аналитически доступной только через репрезентативный опрос.

Таким образом, переход к цифровой социологии не отменяет опросную социологию, а меняет её методологическую функцию. Если цифровые данные усиливают наблюдение за публичной динамикой социальных процессов, то инструменты массовых опросов сохраняют уникальную способность измерять внутреннюю архитектуру нормативного порядка. В этом смысле индекс нормативной связности выступает как инструмент ранней диагностики структурной амбивалентности и позволяет фиксировать те зоны социального напряжения, которые не видны в цифровых данных, но критически важны для понимания устойчивости социально-политических трансформаций.

Заключение

Цифровая трансформация социологии изменила не только исследовательский инструментарий, но и саму морфологию социологического наблюдения. Расширение доступа к цифровым следам, платформенным данным и алгоритмически структурированным формам социального действия радикально усилило аналитическую чувствительность исследования. Однако это расширение не устраняет центрального методологического вопроса современной социологии: какой именно уровень социальной реальности становится доступным каждому типу данных?

Основной вывод настоящей работы состоит в том, что цифровые и традиционные опросы не являются альтернативными способами измерения одного и того же социального объекта. Они работают с различными уровнями социальной реальности. Цифровые данные фиксируют публичную артикуляцию норм, идентичностей и доверия, их наблюдаемое социальное раз-

ворачивание в публичной среде. Репрезентативный опрос фиксирует иной уровень социальной реальности, внутреннюю нормативную организацию действия, структуру моральных компромиссов и способы навигации между конкурирующими системами ожиданий.

Казахстанский случай показывает, что в обществах с устойчивой нормативной амбивалентностью расхождение между декларацией, практикой и публичной артикуляцией не является ошибкой измерения. Напротив, именно это расхождение представляет собой самостоятельный социологический факт. Религиозность, гендерные установки и медиапотребление демонстрируют единый структурный механизм, когда индивид одновременно удерживает конкурирующие нормативные порядки, не устраняя противоречия между ними, а воспроизводя их в повседневной практике.

Это означает, что цифровизация социологии не может рассматриваться как линейное замещение опросных методов цифровыми технологиями. Переход к цифровой социологии требует предварительного методологического различения объектов измерения. Там, где исследовательский интерес направлен на публичную динамику норм, идентичностей и коллективных реакций, цифровые методы обладают аналитическим преимуществом. Там, где объектом анализа выступает внутренняя нормативная архитектура общества, репрезентативный опрос сохраняет свою незаменимость.

Предложенный индекс нормативной связности расширяет этот методологический горизонт, позволяя измерять не отдельные нормативные состояния, а степень структурной согласованности между институциональным, межличностным и повседневно-поведенческим уровнями морального порядка. Тем самым он позволяет диагностировать скрытые зоны нормативного рассогласования, которые не фиксируются ни цифровыми следами, ни отдельными индикаторами в изоляции.

Таким образом, будущее социологии определяется не конкуренцией между цифровыми и традиционными методами, а их методологически дисциплинированной интеграцией. Цифровая социология расширяет исследовательский горизонт, делая наблюдаемой публичную динамику социальных процессов и ускоряя доступ к поведенческим данным. Традиционные опросы сохраняют незаменимую глубину нормативного измерения, без которой невозможно реконструировать внутреннюю архитектуру социальной амбивалентности. Их сочетание образует не компромисс между старыми и новыми методами, а новую исследовательскую архитектуру, основанную на принципиальном различии уровней социальной реальности. Именно это различие, а не технологическое расширение доступа к данным, определяет следующую стадию развития социологического знания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. AAPOR & WAPOR. 80th Annual AAPOR Conference jointly with WAPOR: Reshaping Democracy's Oracle. St. Louis, May 14–16, 2025.
2. Barari S., Angbazo J., Wang N., Christian L. M. AI-assisted conversational interviewing: Effects on data quality and respondent experience. arXiv:2504.13908, 2025.
3. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992. 260 p.
4. Boyd D., Crawford K. Critical questions for big data. *Information, Communication & Society*. 2012. Vol. 15, No. 5. P. 662–679.
5. Castells M. *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell, 1996. 594 p.
6. Cernat A., Keusch F., Bach R. L., Pankowska P. K. Estimating measurement quality in digital trace data and surveys using the MultiTrait Multimethod model. *Social Science Computer Review*. 2025.
7. Coffey S., Maslovskaya O. et al. Recent innovations and advances in mixed-mode surveys. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. 2024. Vol. 12, No. 3. P. 507–530.
8. Couper M. Web surveys: A review of issues and approaches. *Public Opinion Quarterly*. 2000. Vol. 64, No. 4. P. 464–494.
9. Eggleston J. Frequent survey requests and declining response rates: Evidence from the 2020 census and household surveys. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. 2024. Vol. 12, No. 5. P. 1138–1160.
10. Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.
11. Heimerl S. K., Medway R. L. Should we offer web, paper, or both? A comparison of single- and mixed-response mode treatments in a mail survey. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. 2024. Vol. 12, No. 3. P. 593–615.
12. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization*. Princeton: Princeton University Press, 1997. 453 p.
13. Ivanovska A., Vehovar V. Relative biases in probability-based web survey panels: Research synthesis. Paper presented at the European Survey Research Association Conference. Utrecht, July 2025.
14. Jamieson K. H., Lupia A., Amaya A., Brady H. E. Protecting the integrity of survey research. *PNAS Nexus*. 2023. Vol. 2, No. 3. pgad049.
15. Khalid A. *Islam after Communism*. Berkeley: University of California Press, 2007. 240 p.
16. Klingwort J., Toepel V., Lugtig P. Measurement errors in smart surveys: Accomplishments, challenges, and looking forward. Session at the European Survey Research Association Conference. Utrecht, July 2025.
17. Korsunova V., Sokolov B. Online surveys in nondemocratic contexts: Evidence from Russia. *International Journal of Public Opinion Research*. 2025. Vol. 37, No. 3. edaf030.
18. Kuran T. *Private Truths, Public Lies*. Cambridge: Harvard University Press, 1995. 423 p.
19. Lo V.-H., Chang T.-K., Wei R. Trust in news media across Asia. *Journalism & Media*. 2025. Vol. 7, No. 1.
20. Luhmann N. *Theory of Society, Volume 2*. Stanford: Stanford University Press, 2013. 368 p.
21. Merton R. K. *Sociological Ambivalence and Other Essays*. New York: Free Press, 1976. 276 p.
22. Merton R. K., Barber E. *Sociological ambivalence. Sociological Theory, Values and Sociocultural Change*. Ed. by E. Tiryakian. New York: Free Press, 1963. P. 91–120.
23. Olson K. From mail surveys to chatbots: Changes in survey modes, methods, and data sources over time. Keynote address at the European Survey Research Association Conference. Utrecht, June 2025.
24. Pink S. *Doing Sensory Ethnography*. 2nd ed. London: SAGE, 2015. 208 p.
25. Salganik M. J. *Bit by Bit: Social Research in the Digital Age*. Princeton: Princeton University Press, 2017. 448 p.
26. Slamowicz S., Pennay D., Neiger D. Reducing the bias from probability and nonprobability online panels by excluding satisficers. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. 2025. Vol. 13, No. 5. P. 469–490.
27. Smelser N. J. *The Social Edges of Psychoanalysis*. Berkeley: University of California Press, 1998. 232 p.
28. Tabery P., Pilnacek M., Spurny M. Building a probability-based online panel in the Czech Republic: Experience and challenges encountered to date. Paper presented at the European Survey Research Association Conference. Utrecht, July 2025.
29. Taylor C. *Modern Social Imaginaries*. Durham: Duke University Press, 2004. 215 p.
30. Velten L., Louail T. Integrating digital traces into mixed methods designs. *Revue française de sociologie*. 2024. Vol. 65, No. 1–2. P. 129–160.
31. Voltmer K. *The Media in Transitional Democracies*. Cambridge: Polity Press, 2013. 264 p.
32. Wuttke A., Aßenmacher M., Klamm C. AI conversational interviewing: Transforming surveys with LLMs as adaptive interviewers. *LaTeCH-CLfl*. 2025. 2025.
33. Забирова А.Т. Формирование, легитимация и воспроизводство идентичности в постсоветском Казахстане. *Социологические исследования*. М., 2003. N. 12. с. 118–125.
34. Забирова А. Людям о людях. Языки самоописания в современном Казахстане. Астана: КИСИ, 2026. 400 с.
35. Zabirowa A. et al. Sociological study of religiosity in post-atheist Kazakhstan. *Frontiers in Sociology*. 2025. Vol. 10.

REFERENCES:

1. AAPOR & WAPOR. 80th Annual AAPOR Conference jointly with WAPOR: Reshaping Democracy's Oracle. St. Louis, May 14–16, 2025.
2. Barari S., Angbazo J., Wang N., Christian L. M. AI-assisted conversational interviewing: Effects on data quality and respondent experience. arXiv:2504.13908, 2025.
3. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992. 260 p.
4. Boyd D., Crawford K. Critical questions for big data. *Information, Communication & Society*. 2012. Vol. 15, No. 5. P. 662–679.
5. Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 1996. 594 p.
6. Cernat A., Keusch F., Bach R. L., Pankowska P. K. Estimating measurement quality in digital trace data and surveys using the MultiTrait Multimethod model. *Social Science Computer Review*. 2025.
7. Coffey S., Maslovskaya O. et al. Recent innovations and advances in mixed-mode surveys. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. 2024. Vol. 12, No. 3. P. 507–530.
8. Couper M. Web surveys: A review of issues and approaches. *Public Opinion Quarterly*. 2000. Vol. 64, No. 4. P. 464–494.
9. Eggleston J. Frequent survey requests and declining response rates: Evidence from the 2020 census and household surveys. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. 2024. Vol. 12, No. 5. P. 1138–1160.
10. Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.
11. Heime S. K., Medway R. L. Should we offer web, paper, or both? A comparison of single- and mixed-response mode treatments in a mail survey. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. 2024. Vol. 12, No. 3. P. 593–615.
12. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization*. Princeton: Princeton University Press, 1997. 453 p.
13. Ivanovska A., Vehovar V. Relative biases in probability-based web survey panels: Research synthesis. Paper presented at the European Survey Research Association Conference. Utrecht, July 2025.
14. Jamieson K. H., Lupia A., Amaya A., Brady H. E. Protecting the integrity of survey research. *PNAS Nexus*. 2023. Vol. 2, No. 3. pgad049.
15. Khalid A. *Islam after Communism*. Berkeley: University of California Press, 2007. 240 p.
16. Klingwort J., Toepoel V., Lugtig P. Measurement errors in smart surveys: Accomplishments, challenges, and looking forward. Session at the European Survey Research Association Conference. Utrecht, July 2025.
17. Korsunova V., Sokolov B. Online surveys in nondemocratic contexts: Evidence from Russia. *International Journal of Public Opinion Research*. 2025. Vol. 37, No. 3. edaf030.
18. Kuran T. *Private Truths, Public Lies*. Cambridge: Harvard University Press, 1995. 423 p.
19. Lo V.-H., Chang T.-K., Wei R. Trust in news media across Asia. *Journalism & Media*. 2025. Vol. 7, No. 1.
20. Luhmann N. *Theory of Society, Volume 2*. Stanford: Stanford University Press, 2013. 368 p.
21. Merton R. K. *Sociological Ambivalence and Other Essays*. New York: Free Press, 1976. 276 p.
22. Merton R. K., Barber E. *Sociological ambivalence. Sociological Theory, Values and Sociocultural Change*. Ed. by E. Tiryakian. New York: Free Press, 1963. P. 91–120.
23. Olson K. From mail surveys to chatbots: Changes in survey modes, methods, and data sources over time. Keynote address at the European Survey Research Association Conference. Utrecht, June 2025.
24. Pink S. *Doing Sensory Ethnography*. 2nd ed. London: SAGE, 2015. 208 p.
25. Salganik M. J. *Bit by Bit: Social Research in the Digital Age*. Princeton: Princeton University Press, 2017. 448 p.
26. Slamowicz S., Pennay D., Neiger D. Reducing the bias from probability and nonprobability online panels by excluding satisficers. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. 2025. Vol. 13, No. 5. P. 469–490.
27. Smelser N. J. *The Social Edges of Psychoanalysis*. Berkeley: University of California Press, 1998. 232 p.
28. Tabery P., Pilnacek M., Spurny M. Building a probability-based online panel in the Czech Republic: Experience and challenges encountered to date. Paper presented at the European Survey Research Association Conference. Utrecht, July 2025.
29. Taylor C. *Modern Social Imaginaries*. Durham: Duke University Press, 2004. 215 p.
30. Velten L., Louail T. Integrating digital traces into mixed methods designs. *Revue française de sociologie*. 2024. Vol. 65, No. 1–2. P. 129–160.
31. Voltmer K. *The Media in Transitional Democracies*. Cambridge: Polity Press, 2013. 264 p.
32. Wuttke A., Aßenmacher M., Klamm C. AI conversational interviewing: Transforming surveys with LLMs as adaptive interviewers. *LaTeCH-CLFL*. 2025. 2025.
33. Zabirowa A. T. Formirovanie, legitimasiya i voproduktstvo identichnosti v postsovet'skom Kazahstane [Formation, legitimization, and reproduction of identity in post-Soviet Kazakhstan] // *Sociological research*. Moscow, 2003. N. 12. p. 118–125.
34. Zabirowa A. *Lydiyam o lydiyah. Iazyki samoopisaniya v sovremennoy Kazahstane* [The Human Mirror. Languages of Self-Description in Contemporary Kazakhstan.]. Astana: KazISS, 2026. 400 p.
35. Zabirowa A. et al. Sociological study of religiosity in post-atheist Kazakhstan. *Frontiers in Sociology*. 2025. Vol. 10.